

К описанию социокультурной позиции О. Мандельштама 1920-х–1930-х годов (Мандельштам и Мариэтта Шагинян)*

© 2022, Г.А. Морев

Независимый исследователь, Москва

Аннотация: В статье на основании прежде не привлекавшихся материалов рассматриваются литературные отношения между О.Э. Мандельштамом и М.С. Шагинян, демонстрируется близость их социокультурной позиции с середины 1920-х гг. и объясняется выбор Мандельштамом Шагинян в качестве адресата письма с просьбой о содействии в освобождении Б.С. Кузина в 1933 г. Также устанавливается возможное отражение чтения Мандельштамом «Дневников» Шагинян в его позднейших стихах.

Ключевые слова: О. Мандельштам, М. Шагинян, «Путешествие в Армению», «Дневники» М. Шагинян, литературный быт.

Информация об авторе: Глеб Алексеевич Морев — независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: glebmorev@gmail.com

Для цитирования: *Морев Г.А.* К описанию социокультурной позиции О. Мандельштама 1920-х–1930-х годов (Мандельштам и Мариэтта Шагинян) // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 250–264. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-250-264>

---

* Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Р.Г. Лейбова, О.А. Лекманова и О.А. Проскурина за помощь в работе.

Тема взаимоотношений О.Э. Мандельштама и его старшей литературной современницы М.С. Шагинян¹ в существующих исследованиях сводится преимущественно к фиксации относящейся к Шагинян «упоминательной клавиатуры» в текстах поэта — в очерке «Шуба» (1922) и в одной из так называемых «маргулет» рубежа 1930-х гг.² Поверхностно-иронический характер этих упоминаний (усугубленный неприязненным портретом Шагинян в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам) входит, однако, в явное противоречие с центральными документами в наследии Мандельштама, касающимися Шагинян, — с пространными письмами к ней самого поэта и его жены, написанными соответственно в апреле 1933 г. и в октябре 1934 г. и отмеченными особой глубиной содержания, связанного с принципиальной для Мандельштама и предполагающей высокую степень доверия к адресату темой его «конфликтного» положения в советской действительности 1930-х гг.

Оба письма объединены темой репрессий — Мандельштам ведет речь об аресте своего ближайшего в тот период друга Б.С. Кузина в апреле 1933 г.; Н.Я. Мандельштам обсуждает с Шагинян причины, приведшие к аресту уже самого Мандельштама в мае 1934 г., и поиск «выхода из положения» [5, с. 76]³. Очевидно, что для адресантов Шагинян представлялась тем человеком, который имеет потенциальный ресурс для изменения в лучшую сторону неблагоприятных жизненных обстоятельств, связанных с преследованиями со стороны властей. Основания такого восприятия Шагинян Мандельштамами были, однако, неочевидны для исследователей. Так, впервые опубликовавший упомянутые нами письма П.М. Нерлер, предполагая, что поэт, обращаясь к Шагинян, имел целью «попытаться через адресата помочь [своему] молодому другу [Б.С. Кузину]» [5, с. 72]⁴, в своем биографическом повествовании о Мандельштаме отмечал:

¹ О дореволюционной «славе Шагинян как поэта» см.: [16, р. 227 и след.]

² Кажется необходимым дать отсутствующий до сих пор комментарий к этому тексту: появление имени Шагинян в обращении к А.О. Моргулис шуточном стихотворении Мандельштама (*Старик Маргулис на Востоке / Постиг истории уроки. / У Шагинян же Мариэтт / Гораздо больше исторьетт*) мотивировано их (отлично известным автору) общим с адресатом, во-первых, ростовским прошлым (Моргулис, как и Шагинян, был биографически связан с Ростовом-на-Дону) и, во-вторых, опытом жизни на Кавказе («Востоке») в 1920-е гг.

³ Отметим, что Н.Я. Мандельштам не скрывает от Шагинян причину ареста поэта — написание им антисталинских стихов (она именует их «безответственными стихами, вернее, <...> выпадом, за который Мандельштам был выслан»: [5, с. 75]). Эта непубличная, доступная узкому кругу лиц информация, скрывавшаяся в официальных документах, свидетельствует о чрезвычайно доверительных отношениях между семьей поэта и Шагинян.

⁴ А.Г. Мец, говоря об эпизоде с заступничеством Мандельштама за Кузина, также без пояснений называет Шагинян «влиятельной» [11, с. 83].

«непонятно, какие у Шагинян могли быть для этого приводные ремни» [14, с. 135].

Ранее мы предположили [12, с. 82], что одной из важнейших составляющих образа Шагинян как «влиятельной» в советском социуме 1933 г. персоны был наверняка известный Мандельштаму факт получения ею в мае 1931 г. благожелательного ответного письма от И.В. Сталина, способствовавшего изданию романа Шагинян «Гидроцентральный» — среди старых литературных знакомых Мандельштама (писателей дореволюционной формации из числа «попутчиков») Шагинян на тот момент была *единственной* вступившей с вождем в прямую — и продуктивную! — коммуникацию. С целью указать вероятные дополнительные точки пересечений творческих биографий Мандельштама и Шагинян, а также в развитие наших предположений о генезисе репутации Шагинян как человека, способного оказать содействие в разрешении связанных с репрессиями властей кризисных ситуаций, рассмотрим еще несколько эпизодов литературной жизни середины 1920-х — начала 1930-х гг.

В эволюции Шагинян и в формировании ее образа «сталинки»⁵, сложившегося уже к 1929 г., важную роль сыграла ее статья «Тревога», опубликованная в качестве «дискуссионной» в журнале «Россия» (с которым Мандельштам сотрудничал) в конце марта — начале апреля 1925 г.⁶ — как раз в дни, когда Мандельштамы и Шагинян совместно проживали в детскосельском пансионате Зайцева [7, с. 266]. Текст, ставивший центральную для русских литераторов середины 1920-х гг. проблему самоопределения в новой социополитической реальности, вызвал заметный резонанс по обе стороны советской границы. И если эмигрант В.Ф. Ходасевич, откликнувшийся на статью Шагинян посвященным ее автору мемуарным очерком, упоминал «немало негодующих слов»⁷, услышанных им по поводу этого выступления, то один из лидеров Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП, будущий РАПП) Л.Л. Авербах, наоборот, квалифицировал статью как «глубоко интересную и показательную», «свидетельствующую о том, что в М. Шагинян начал происходить большой сдвиг в сторону понимания и восприятия нашей современности»⁸. В 1927 г. Авербах еще раз вернулся к этому тексту Шагинян, воспользовавшись его переизданием в качестве

⁵ Автохарактеристика Шагинян, приведенная К.А. Фединым в дневниковой записи от 12 июня 1929 г.: [18, с. 167].

⁶ Шагинян М. Тревога // Россия. 1925. № 5 (14). С. 170–181.

⁷ Ходасевич В. Мариэтта Шагинян: Из воспоминаний // Дни (Париж). 1925. 4 октября. № 818; цит. по: [17, т. 4, с. 341].

⁸ Авербах Л. За пролетарскую литературу: О политике РКП(б) в области художественной литературы. Л., 1926. С. 45–46.

предисловия к ее книге «Новый быт и искусство» (Тифлис, 1926), и посвятил ему обширную статью «О современных писательских настроениях»⁹; в том же году тексты Шагинян и Авербаха (под менее «отчуждающим» названием «Беседа с М. Шагинян») были изданы под одной обложкой — отдельной брошюрой под названием «Писатель болен?»¹⁰.

Благожелательное внимание руководителя ВАППа к статье Шагинян представляет для нас интерес в двух отношениях — в перспективе сближения Мандельштама и Авербаха весной 1929 г. и с точки зрения возможной близости Мандельштаму некоторых высказанных Шагинян положений.

Статья Шагинян описывает кризисное положение дореволюционной генерации писателей в советских условиях, во многом предвосхищая будущую постановку Б.М. Эйхенбаумом проблемы «литературного быта» и связанного с ним вопроса «как быть писателем» в СССР. Шагинян ведет речь от имени условной «модернистской» страты в дореволюционной русской литературе, чья творческая зрелость совпала с приходом большевиков к власти. Парадоксальным образом, констатирует она, авторы, сочувственно относившиеся к революции и видевшие в ней, прежде всего, силу, враждебную буржуазной «мещанской» культуре, в новых условиях оказались в ситуации, когда «революция смела многих наших врагов, но смела вместе с ними и нас»¹¹. Пореволюционная социальная фрустрация этой части интеллигенции, по мысли Шагинян, имеет своим следствием солидаризацию принадлежащих к ней литераторов, презрительно отвергающих — несмотря на его всемирное влияние — марксизм, с враждебными революции буржуазными силами — то есть с тем же культурным «мещанством», которому модернизм противостоял до 1917 г. Эта позиция, по мысли Шагинян, характеризуется «отсутствием всякой проекции будущего»¹². Историческое, социальное и культурное будущее — за пришедшим к власти революционным классом, и выход из творческого кризиса, выход к новому читателю — в ощущении актуальной социальной реальности как органической «новой системы связей»¹³, которая нуждается в новом (в том числе жанрово новом) описании.

⁹ См.: Авербах Л. О современных писательских настроениях // На литературном посту. 1927. № 2. 15 января. С. 14–20; № 3. 5 февраля. С. 5–13.

¹⁰ См.: Шагинян М., Авербах Л. Писатель болен? М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. Текст Авербаха под тем же названием «Беседа с М. Шагинян» переиздан им и в составе сборника «Из рапповского дневника» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. С. 7–37).

¹¹ Шагинян М. Новый быт и искусство. [Тифлис]: Заккнига, [1926]. С. 4.

¹² Там же. С. 7; выделено автором.

¹³ Там же. С. 21.

Начиная с поколенческой идентификации переживающей кризис социальной страты (описанную Шагинян группу литераторов Мандельштам не мог не ощущать своей), диагностированные в ее статье симптомы и высказанные ею тезисы оказываются близки к тому социокультурному положению и к той идеологической позиции, которые поэт занимает к середине 1920-х гг. Это время, отмеченное, с одной стороны, активным поиском Мандельштамом социальной ниши, позволяющей ему жить литературным трудом (ею стали переводы), с другой — творческим кризисом (поэтическая немота с 1926 г.), ретроспективно описывалось Н.Я. Мандельштам как «момент смятения души, колебаний и неверия»¹⁴. В позднейшей концепции биографии поэта Н.Я. Мандельштам это были приведшие к «периоду, когда он не писал стихов»¹⁵, колебания и неверие в стойкую «антисоветскую» позицию, которую поэт (якобы) занял в 1930 г. с написанием «Четвертой прозы». Объясняя в позднем (1958) письме к Ахматовой мандельштамовские выпады против нее в «профутуристических» статьях 1923 г. («Буря и натиск», «Vulgata»), вдова поэта говорит о влиянии на Мандельштама установок демонстративно просоветского ЛЕФа и о его «назойливом волнении, страхе остаться одному» [8, с. 249] в этот период. Эти слова Н.Я. Мандельштам следует понимать исключительно в их общественной проекции — под «страхом остаться одному» здесь имеется в виду боязнь оказаться в социокультурной изоляции и в творческом кризисе, куда, по мнению Мандельштама, завела себя «не понимающая нового» (то есть антисоветски настроенная) Ахматова, и чем была чревата для него пассаистическая культурная позиция, характерная, например, для московских «неоклассиков» и «неоакмеистов», группировавшихся вокруг машинописных изданий «Гермес» и «Мнемозина»¹⁶. Как вспоминал один из вкладчиков «Гермеса» Б.В. Горнунг, «“пафоса” борьбы с ЛЕФом и “конструктивистами” у него [Мандельштама] не было. Говорить с ним бывало иногда трудно. В наш “Гермес” он не дал ни одной статьи (сколько я у него ни выпрашивал), а по поводу наших статей и рецензий в “Гермесе” о нем только покачивал головой, а один раз сказал: “А Коля (т. е. Гумилев) меня сейчас, может быть, ругал [бы]”» [4, с. 156]. Отрицание самой возможности воспроизводства «старой» акмеистической поэтики в новых советских

¹⁴ Письмо Н.Я. Мандельштам Н.А. Струве (1965): *Мандельштам Н.* Книга третья. Paris: YMCA-press, 1987. С. 316.

¹⁵ Письмо Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой (1958): [8, с. 248].

¹⁶ См. подробнее: [13, с. 197–210]. Как отмечалось в рецензии на первый номер «Гермеса», «основной задачей журнала является <...> создани[е] классического стиля современности. <...> Из этой задачи неизбежно вытекает полемика с левыми течениями в искусстве» (Корабль. Калуга. 1923. № 1–2. Подпись: Г.С. [С.С. Гадзяцкий?]; цит. по: [13, с. 199]).

условиях содержится и в известном письме 1923 г. Мандельштама брату Б.В. Горнунга Льву с критикой его «неоакмеистических» стихов: «Вы любите пафос. Хотите ощутить время. Но ощущение времени меняется. Акмеизм 1923 г. не тот, что в 1913 г. Вернее, акмеизма нет совсем». Парадоксалистская, казалось бы, сентенция, которой заканчивается это письмо — «Не презирайте современных поэтов. На них благословение прошлого» [10, с. 383] — на деле отсылает к статье автора «Буря и натиск», где генезис футуризма связывался с «революционной переоценкой» и «утверждением и оправданием настоящих ценностей прошлого» русской поэзии и утверждалась бесплодность позиции «пассеистов» в конфликте с «будущниками»: «кто не понимает нового, тот ничего не смыслит в старом, а кто смыслит в старом, тот обязан понимать и новое» [10, т. 2, с. 125].

Для Мандельштама, как и для Шагинян, искусство, принадлежащее «современности» и несущее «проекцию будущего», целиком связывается с лояльностью синхронной политической обстановке, контролируемой РКП(б) — и неслучайно, что термины «правое» и «левое» применительно к художественным течениям имели в то время отчетливую политическую окрашенность. Именно «несовременность, отрыв от сегодняшней русской действительности и [политическая] фронда» [13, с. 210] чутко диагностируются Вяч.И. Ивановым в 1924 г. как *комплекс* характерных — и взаимообусловленных — для изданий московских неоклассиков/неоакмеистов черт. Отсюда у Мандельштама, не видевшего себя вне актуального литературного контекста и принципиально отказывавшегося «существовать на культурную ренту»¹⁷ (символический капитал дореволюционного «мастера»), та «чувствительность к левовской пропаганде»¹⁸, которой задним числом попрекала мужа Н.Я. Мандельштам¹⁹ и которую Ахматова (чьи дружеские отношения с Мандельштамом, возобновившиеся в 1925 г., сопровождались полным несовпадением литературных стратегий²⁰) ретроспективно мотивировала его «боязнью устареть»²¹.

¹⁷ Из ответов на анкету «Советский писатель и Октябрь» (1928) [10, т. 3, с. 311].

¹⁸ Мандельштам Н. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. [9, т. 2, с. 705–831].

¹⁹ Позиция самой Н.Я. Мандельштам, предстающая в ее позднейших автоописаниях как последовательно противостоящая «метаниям» мужа, также нуждается в уточнении. Так, ее слова из упомянутого письма Ахматовой о том, что «у нас с Осей всё рвалось в эти два, кажется, года [1923–1925]» [8, с. 249] из-за «левых» политико-эстетических симпатий Мандельштама, корректируются свидетельством из письма Б.В. Горнунга жене от 23–24 мая 1927 г.: «Жена его [Мандельштама] за 3 года очень изменилась. Раньше ведь она <...> все требовала от мужа, чтобы он вступил в ЛЕФ» [4, с. 161].

²⁰ Подробнее см.: [12, с. 51 и след.].

²¹ Будыко М. Рассказы Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 75.

Именно «боязнь устареть», оказаться в социокультурном и творческом вакууме, не в последнюю очередь заставляет Мандельштама видеть в Авербахе, с пониманием отнесемся к аналогичным интенциям Шагинян, потенциального союзника в период «дела об Уленшпигеле» и едва не приводит его на трибуну 2-го рапповского пленума осенью 1929 г.²². Эти же, не скрывавшиеся Мандельштамом, идейные установки и симпатии, очевидно, позволяют Авербаху в свою очередь квалифицировать Мандельштама как одного из принадлежащих типу «подлинно советского интеллигентского писателя», с которым, по его словам, должны «еще теснее сблизиться» «пролетписатели»²³, и оказывать ему существенную помощь в получении работы и жилья в 1929–1931 гг.²⁴.

К этому периоду относятся и «беглые встречи» Мандельштама и Шагинян в Армении в мае 1930 г. О них вспоминает сам Мандельштам в письме Шагинян от 5 апреля 1933 г.; документальным подтверждением общения Мандельштамов с Шагинян и ее мужем Я.С. Хачатрянцем служит сохранившаяся фотография последнего с О.Э. и Н.Я. Мандельштамами у развалин церкви в селе Аван возле Еревана. Тематика ереванских бесед с Шагинян определяется Мандельштамом в письме к ней как связанная с «защитой действительности от мертвых ее определителей» [5, с. 513], причем Шагинян оказывается стороной, упрекающей Мандельштама в недостаточной близости к современности и непонимании ее. Ответом автора на эти упреки служит прилагаемый Мандельштамом к письму Шагинян текст «Путешествия в Армению», в котором сходятся и память о ереванских встречах с Шагинян, и о знакомстве там же и начале дружбы с Кузиным, «героем моей полуповести», как определяет его Мандельштам. «Сверх-темой» письма является, как уже говорилось, информация об аресте Кузина, а также констатация нового этапа в отношении автора к советской действительности, характеризующегося, по словам Мандельштама, «таким прыжком в объективность, который мне даже не снился». Это новое чувство солидарности с повседневностью позволяет Мандельштаму ручаться перед Шагинян (и через нее — перед представителями советской власти) за Кузина и надеяться на его освобождение.

Что же, помимо памяти о ереванском общении, заставило Мандельштама послать свой еще не опубликованный текст об Армении

²² См.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 18. О конфликте вокруг издания отредактированного Мандельштамом перевода «Тили Уленшпигеля» (1928) см. подробнее: [12, с. 26 и след.].

²³ Из выступления Авербаха на Общем собрании членов ленинградского отдела ВСП 13 октября 1929 г. Цит. по: [3, с. 459].

²⁴ Подробнее см.: [12, с. 38 и след.].

Шагинян? И что, помимо вероятного знания о факте получения Шагинян в 1931 г. письма Сталина, давало ему основания считать ее потенциально способной содействовать в деле освобождения Кузина?

Представляется, что ответ на эти вопросы позволяет найти предположение о возможном знакомстве Мандельштама с вышедшей незадолго до написания им письма Шагинян ее новой книгой — выпущенными в декабре 1932 г. «Издательством писателей в Ленинграде» ее «Дневниками 1917–1931».

Помимо нестандартного авторского жеста — решения опубликовать текст документального жанра, касающийся совсем недавнего прошлого и текущей современности²⁵ — внимание Мандельштама к книге Шагинян гипотетически мог привлечь хронологический фактор: включение в дневник записей 1930 г., охватывающего время их встреч в Армении. Это не могло априори не интриговать Мандельштама как потенциального «персонажа» дневника Шагинян²⁶. Другим важнейшим обстоятельством, вероятно, стимулировавшим интерес поэта к «Дневникам», было присутствие в них нескольких «армянских» тревелогов разных лет — фактически шагиняновских вариантов «Путешествия в Армению»²⁷. Причем характерно, что функция этих фрагментов в книге Шагинян определялась ею через социальную проблематику взаимодействия с «действительностью»: «<...> чтоб картина была ярче, я начинаю с первой поездки в Армению летом 1917 года, потому что поездка в Армению повторяется у меня несколько раз на протяжении пятнадцати лет и служит своеобразной единицей меры: с каждым разом — уже не та страна и уже не те приемы восприятия материала, и уже не та степень участия в действительности» [8, с. 8]. Нетрудно заметить, что в письме Мандельштама к Шагинян его «Путешествие в Армению» также служит своего рода критерием наступления отмеченного новой степенью приятия «действительности» «периода т. н. “зрелого Мандельштама”» [4, с. 514].

---

²⁵ Сама Шагинян объясняла публикацию дневников их ценностью в качестве документа, который «рассказывает о путях переделки писателя, одновременно разворачивая рост и развитие воздействующих на него сил, т. е. нашего перестраивающегося хозяйства. Вот почему я решаюсь, не боясь упреков в “преждевременности” и не считая для себя обязательным помереть, прежде чем решиться на это, — опубликовать выборки из моих многолетних дневников» [12, с. 7–8].

²⁶ В опубликованном тексте записи мая 1930 г., когда Мандельштам виделся с Шагинян, отсутствуют; имя Мандельштама в книге не упоминается.

²⁷ К теме путешествий в Армению Шагинян обращалась и ранее — в 1927 г. она выпустила книгу «Прогулки по Армении» (М.; Л.: Госиздат, 1927).

Ответ на второй вопрос — об истоках формирования у Мандельштама образа Шагинян как «влиятельного» в советских условиях 1933 г. актора — находится, по-видимому, в дневниковой записи Шагинян от 20–21 марта 1923 г. Приведем ее целиком:

Вчера нервное напряжение вылилось в настоящую истерику, которую я закатила доктору. Ленин опять болен. Это тоже является причиной моего тягостного настроения. Думаю о нем, часто плачу. Получила письмо от Воронского с дорогими для меня словами: *«Да, забыл: знаете, очень Ваши вещи нравятся тов. Ленину, он как-то говорил Сталину, а Сталин — мне»*. Чувствую острую охоту писать дальше «Перемену»²⁸, чтоб он прочитал²⁹.

К этой, несомненно, впечатляющей в обстановке уже сложившегося к 1933 г. культа обоих партийных вождей, записи Шагинян сделала примечание, где целиком приводила упомянутое письмо А.К. Воронского к ней (с несколько уточненным текстом):

Вот это письмо целиком:

Тов. Шагинян!

Был бы очень рад, если бы Вы смогли дать продолжение «Перемены» к 15 апреля, как Вы пишете мне в открытке. Очень плохо и худо, что Вы продолжаете болеть. Очевидно, нужно основательно Вам отдохнуть. Как Вы живете в материальном отношении? Дела «Красной Нови» и «Круга» идут прекрасно. Номер с продолжением «Перемены» выходит на днях. Вышло. «Круг» работает тоже очень интенсивно. Выпускаем книг много и недурно. Расходятся они очень хорошо. Ваша «Перемена» пользуется большим успехом. Да, забыл: знаете, очень Ваши вещи нравятся тов. Ленину. Он как-то об этом говорил Сталину, а Сталин — мне. К сожалению, тов. Ленин тоже болен и серьезно. Ну, пока всего хорошего. Выздоровливайте. Привет.

А. Воронский

19—17/III—23 г. [8, с. 68]³⁰

²⁸ Повесть Шагинян, публиковавшаяся в редактируемом А.К. Воронским журнале «Красная новь» (1922. № 6; 1923. № 2, 4, 6).

²⁹ [19, с. 68] выделено автором.

³⁰ Там же. В 1978 г. Шагинян републиковала письмо Воронского в составе своих мемуаров «Человек и время» (Новый мир. 1978. № 9. С. 181–182).

Таким образом, реноме Шагинян как корреспондентки Сталина усиливалось информацией, обогащавшей сведения о разовом обмене письмами между нею и вождем (беспрецедентном самом по себе) и заставлявшей предполагать существование неких специальных *отношений*, связывавших Сталина и Шагинян, к тому же освященных именем Ленина. Это, действительно, — в полном соответствии с замыслом автора, намеренно дополнившего дневниковые записи письмом Воронского — ставило Шагинян в уникальное положение среди попутчиков, в том числе, знакомых Мандельштаму.

Однако, вопреки чаяниям Шагинян и впечатлению «интеллигентского» читателя (каковым был и Мандельштам), апелляция к раннесоветским документам, пусть и косвенно санкционированным именами вождей, в социополитической реальности 1933 г. могла иметь не предвиденные автором последствия. Публикация частного письма Воронского (недавнего троцкиста, пережившего в 1927–1929 гг. исключение из партии, арест, ссылку в Липецк и с тех пор, как нам ясно сегодня, находившегося на подозрении у руководства страны и ОГПУ/НКВД³¹) с упоминанием о его неконфликтных контактах со Сталиным — при том, что любые подробности биографии Сталина с конца 1920-х гг. тщательно цензурировались — могла быть одним из факторов, осложнивших весной 1933 г. судьбу книги Шагинян. 9 апреля 1933 г. начальник Главлита Б. Волин, отчитываясь о работе цензурного ведомства, упоминал в письме в Политбюро ЦК ВКП(б) о «политически одиозных записях» в книге Шагинян [2, с. 196]. В тетрадах начала 1933 г. Л.Я. Гинзбург отмечает: «<...> изъяты из библиотек и приостановлены в продаже “Дневники” Мариэтты Шагинян»³². В то же время слухи о цензурных репрессиях в отношении уже выпущенных на рынок «Дневников» Шагинян, разумеется, не могли не привлечь к книге дополнительное внимание в писательской среде Москвы и Ленинграда³³.

³¹ В 1930 г. в письме М. Горькому Сталин неприязненно отозвался об идеях Воронского (см.: *Сталин И.В. Сочинения*. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 12. С. 175). Несмотря на признание Воронским ошибок, в печати продолжалась его шельмование (см.: *Серебрянский М.И. Против воронщины*. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1932). Уже в начале 1935 г. Воронский был вновь исключен из партии — за материальную помощь ссыльным оппозиционерам и за близость с начала 1930-х к С.С. Зорину, арестованному после убийства Кирова и обвиненному в принадлежности к «зиновьевской организации» (см.: [6, с. 311–312]; см. также протокол допроса Г.И. Сафарова 14 января 1935 г.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 136. Л. 49–50).

³² См.: *Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. СПб.: Искусство-СПб, 2011. С. 417. См. также: [1, с. 192].

³³ Как «представляющие большой интерес, как своеобразный “советский документ”», были восприняты «Дневники» и в эмиграции: см. рец. Т. Чернавиной в «Современных записках» (1934. № 55. С. 422–426).

Во всяком случае, переживший после ареста 1934 г. идеологический и личностный кризис Мандельштам, вернувшись в Воронеж весной 1935 г. к стихам (одним из первых потенциальных адресатов которых поэт видел и Шагинян³⁴) и в очередной раз решая для себя проблему взаимоотношений с «действительностью», в программных «Стансах», в усиленной повтором строке «Я должен жить, дыша и большевею» — использовал в качестве ключевого неологизм из «Дневников» Шагинян. Инвариантный и для Шагинян, и для Мандельштама контекст ее дневниковой записи от 25 января 1921 г. таков:

Утром Гете и лекция. Потом посетители. <...> Но и вечером не дали работать. Все более возмущаюсь писателями и интеллигентней. Большевею в их среде не по дням, а по часам. Ни в ком не вижу праведного отношения к действительности <...> [19, с. 31]³⁵.

---

³⁴ Ее имя — рядом с именем Пастернака — значится в списке литераторов, которым Мандельштам предполагал осенью 1935 года отправить подборку новых стихотворений (см. письмо С.Б. Рудакова к жене от 7 ноября 1935 г.: [15, с. 103]).

³⁵ А.М. Пешковский отмечал в 1924 г.: «Можно при случае всегда сказать “большевею”, “меньшевею”, “оранжевею”, “пурпуровею”, “фиолетовею” (может быть, эти слова и фактически встречались уже в литературе, — я этого не знаю <...>)» (*Пешковский А.М.* В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? [1924] // *Пешковский А.М.* Сборник статей: Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. С. 12). Судя по материалам онлайн-корпуса «Национальный корпус русского языка» и сервису Google Books, глагол «большеветь» до распространения текста Мандельштама не встречается.

Литература

1. *Блюм А.В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 404 с.
2. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.
3. *Галушкин А.Ю.* Из истории литературной «коллективизации» // *Russian Studies*. 1996. Vol. 2, № 2. С. 437–477.
4. *Горнунг Б.* Заметки к биографии О.Э. Мандельштама / публ., предисл. и примеч. М. Горнунга // *Сохрани мою речь: Воспоминания. Материалы к биографии. Современники*. М., 2000. Вып. 3/2. С. 151–163.
5. Два письма О.Э. и Н.Я. Мандельштам М.С. Шагинян / публ., вступ. зам. и примеч. П.М. Нерлера // *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 71–77.
6. *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 382 с.
7. *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама* / сост. А.Г. Мец. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб.: Гиперион, 2022. 521 с.
8. *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / сост. П. Нерлер. М.: Новое изд-во, 2007. 444 с.
9. *Мандельштам Н.* Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: Гонзо, 2014.
10. *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011.
11. *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений / вступ. ст. М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца; сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. СПб.: Академический проект, 1995. 720 с.
12. *Морев Г.* Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы). М.: Новое изд-во, 2022. 220 с.
13. *Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес». III. Из истории машинописных изданий 1920-х годов* / публ. Г.А. Левинтона и А.Б. Устинова // *Пятое Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения*. Рига, 1990. С. 197–210.
14. *Нерлер П.* В Москве (ноябрь 1930 – май 1934) // *Новый мир*. 2016. № 3. С. 131–164.
15. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / вступ. ст. Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца. Публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца. Коммент. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме*. СПб.: Гуманитарное Агентство «Академический Проект», 1997. С. 7–185.

16. *Тименчик Р.Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Slavica Revalensia*. 2019. Vol. VI. P. 179–247.
17. *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.
18. Художник и общество: Неопубликованные дневники К. Федина 20–30-х годов / публ. Н.К. Феединой, Н.А. Сломовой, примеч. А.Н. Старкова // *Русская литература*. 1992. № 4. С. 164–181.
19. *Шагинян М.* Дневники 1917–1931. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932. 430 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the Description of Mandelstam’s Socio-Cultural Situation in the 1920s–1930s (Osip Mandelstam and Marietta Shaginyan)

© 2022. Gleb A. Morev
Independent researcher

Abstract: Based on previously unused materials, the article examines the literary relations between Osip Mandelstam and Marietta Shaginyan and demonstrates the closeness of their socio-cultural positions since the mid-1920s. The author explains why Mandelstam has chosen Shaginyan as the addressee of his letter asking for assistance in releasing B. Kuzin in 1933. Also the article establishes a possible reflection of Mandelstam's reading of Shaginyan's "Diaries" in his later poems.

Keywords: Osip Mandelstam, Journey to Armenia, Marietta Shaginyan's "Diaries," literary life.

Information about the author: Gleb A. Morev — independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: glebmorev@gmail.com

For citation: Morev, G.A. "On the Description of Mandelstam’s Socio-Cultural Situation in the 1920s–1930s (Osip Mandelstam and Marietta Shaginyan)." *Literaturnyi fakt*, no. 21 (23), 2022, pp. 250–264. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-250-264>

References

1. Blium, A.V. *Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami* [*Forbidden Books of Russian Writers and Literary Critics. 1917–1991: An Index of Soviet Censorship with Comments*]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts Publ., 2003. 404 p. (In Russ.)
2. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 gg.* [*Power and Artistic Intelligentsia: Documents of the Central Committee of the RCP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD on Cultural Policy. 1917–1953*], comp. A. Artizov, O. Naumov. Moscow, MFD Publ., 1999. 872 p. (In Russ.)
3. Galushkin, A.Iu. “Iz istorii literaturnoi ‘kollektivizatsii.’” [“From the History of Literary ‘Collectivization’.”]. *Russian Studies*, vol. 2, no. 2, 1996, pp. 437–477. (In Russ.)
4. Gornung, B. “Zametki k biografii O.E. Mandel'shtama” [“Notes to O.E. Mandel'shtam’s Biography”], publ., foreword and notes by M. Gornung. *Sokhrani moi rech': Vospominaniia. Materialy k biografii. Sovremenniki* [*Save my Speech: Memoirs. Materials for the Biography. Contemporaries*], issue 3/2. Moscow, Izdatel'stvo MAI Publ. 2000, pp. 151–163. (In Russ.)
5. “Dva pis'ma O.E. i N.Ia. Mandel'shtam M.S. Shaginin” [“Two Letters by O.E. and N.Ia. Mandel'shtam to M.S. Shaginin”], publ., introd. and notes by P.M. Nerler. *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama: Vospominaniia. Materialy k biografii. “Novye stikhi.” Kommentarii. Issledovaniia* [*Life and Work of O.E. Mandel'shtam: Memoirs. Materials for the Biography. “New Poems.” Comments. Research*]. Voronezh, Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta Publ., 1990, pp. 71–77. (In Russ.)
6. Dinershtein, E.A. *A.K. Voronskii: V poiskakh zhivoi vody* [*A.K. Voronsky: In Search of Water of Life*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 382 p. (In Russ.)
7. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [*Chronicle of O.E. Mandel'shtam's Life and Work*], comp. by A.G. Mets, 4th ed., rev. and edd. St. Petersburg, Giperton Publ., 2022. 521 p. (In Russ.)
8. Mandel'shtam, N. *Ob Akhmatovoi* [*About Akhmatova*], comp. by P. Nerler. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 444 p. (In Russ.)
9. Mandel'shtam, N. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Collected Works: in 2 vols.*]. Ekaterinburg, Gonzo Publ., 2014. (In Russ.)
10. Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 3 t.* [*Complete Works and Letters: in 3 vols.*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009–2011. (In Russ.)
11. Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [*Complete Poems*], introd. article by M.L. Gasparov and A.G. Mets, comp., text prep. and notes by A.G. Mets. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995. 720 p. (In Russ.)
12. Morev, G. *Osip Mandel'shtam: Fragmenty literaturnoi biografii (1920–1930-e gody)* [*Osip Mandel'shtam: Fragments of a Literary Biography (1920–1930s)*]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2022. 220 p. (In Russ.)
13. “Moskovskaia literaturnaia i filologicheskaia zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyi zhurnal ‘Germes.’ III. Iz istorii mashinopisnykh izdaniy 1920-kh godov” [“Moscow Literary

and Philological Life of the 1920s: Typewritten Journal ‘Germes.’ III. From the History of Typewritten Publications of the 1920s”], publ. by G.A. Levinton and A.B. Ustinov. *Piatye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia*. Riga, 1990, pp. 197–210. (In Russ.)

14. Nerler, P. “V Moskve (noiabr' 1930 — mai 1934). Okonchanie” [“In Moscow (November 1930 — May 1934). Ending”]. *Novyi mir*, no. 3, 2016, pp. 131–164. (In Russ.)

15. “O.E. Mandel'shtam v pis'makh S.B. Rudakova k zhene (1935–1936)” [“O.E. Mandelstam in S.B. Rudakov Letters to His Wife (1935–1936)”], introd. article by E.A. Toddes and A.G. Mets, publ. and text prep. by L.N. Ivanova and A.G. Mets, comm. by A.G. Mets, E.A. Toddes, O.A. Lekmanov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1993 god. Materialy ob O.E. Mandel'shtame* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1993. Materials about O.E. Mandelstam]. St. Petersburg, Gumanitarnoe Agentstvo “Akademicheskii proekt” Publ., 1997, pp. 7–185. (In Russ.)

16. Timenchik, R.D. “Iz imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam Akhmatovoi’” [“From the Name Index to Akhmatova's Notebooks”]. *Slavica Revalensia*, vol. VI, 2019, pp. 179–247. (In Russ.)

17. Khodasevich, V. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Soglasie Publ., 1996–1997. (In Russ.)

18. “Khudozhnik i obshchestvo: Neopublikovannye dnevniki K. Fedina 20–30-kh godov” [“Artist and Society: Unpublished Diaries of K. Fedin in the 20–30s”], publ. by N.K. Fedina, N.A. Slomova, notes by A.N. Starkov. *Russkaia literatura*, no. 4, 1992, pp. 164–181. (In Russ.)

19. Shaginian, M. *Dnevniky 1917–1931* [Diaries. 1917–1931]. Leningrad, Tipografia Pechatnyi dvor Publ., 1932. 432 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021

Одобрена после рецензирования: 15.01.2022

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 09.12.2021

Approved after reviewing: 15.01.2022

Date of publication: 25.03.2022